

**Ф.М. Достоевский – А.Г.
Сниткина. Письма любви**

**Ф.М. Достоевский – А.Г.
Сниткина. Письма любви**

«РИПОЛ Классик»

2011

Ф.М. Достоевский – А.Г. Сниткина. Письма любви / «РИПОЛ
Классик», 2011

Представленная в издании переписка Ф. М. Достоевского и А. Г. Сниткиной открывает личность гениального русского писателя с самой интимной стороны: в ней переданы такие мысли и чувства, о которых посторонним знать явно не полагалось. В страстных и в то же время целомудренных и чистых письмах Достоевского образ Анны Григорьевны, его «ангела-хранителя», предстает в идеальном свете: она и глубоко любящая жена, и единственный помощник писателя в его литературной работе.

, 2011

© РИПОЛ Классик, 2011

Содержание

Солнце его жизни	7
Письма любви	12
1866	14
1867	18
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Федор Михайлович Достоевский Ф.М. Достоевский – А.Г. Сниткина. Письма любви

Солнце его жизни

...Это был странный, неровный разговор – сразу обо всем. Видно было: Федор Михайлович нервничал, особенно когда вдруг обмолвился, что ничего из затеи со стенографированием не выйдет. А на прощанье он еще умудрился сказать ей: рад, мол, что поскольку вы девица, то не запыете...

Сниткина же влюбилась в Достоевского с первого взгляда.

* * *

...И он начал диктовать. Нет, скорее рассказывать какую-то историю, мучившую его. Он уже не мог остановиться, и она каким-то особым чутьем поняла, что дальше – это уже не роман, не вымышленные герои, а он сам, его жизнь, полная страданий и мучений.

Он рассказывал о своей юности, первых шагах в литературе, об участии в кружке петрашевцев, гражданской казни на Семеновском плацу, сибирской каторге.

Потом, перебиваясь, – о своих долгах, кабальном договоре. Говорил просто, как будто на исповеди, и от того еще более трогал за душу...

Она вдруг увидела, что перед ней глубоко страдающий, одинокий человек, которому и открыться-то по-настоящему некому И вот он доверился ей, значит, все-таки посчитал достойной его исповеди. И ей стало просто и хорошо с ним, как будто они были уже тысячу лет знакомы и понимали друг друга с полуслова.

Она приходила каждый день. По вечерам и ночам расшифровывала стенограммы, переписывала начисто и приносила готовые страницы.

Порой он срывался, нервничал, грубил, даже орал, топая ногами. Но она терпела, понимая: он живет там, в своем мире образов, он – не он, он – медиум, рассказчик и хочет высказаться до дна...

Однажды Анну встретил хозяин дома, квартиру в котором снимал Федор Михайлович. Она напряглась: еще не хватало сплетен, что к квартиранту ходит молодая девушка.

Но хозяин учтиво поклонился и сказал: «Бог наградит вас, Анна Григорьевна, за вашу доброту, потому что великому труженику помогаете, – я всегда к заутрене иду, у него огонь в кабинете светится – работает...»

Дело шло к концу, работа продвигалась споро и успешно. Роман «Игрок» был закончен точно в срок, 29 октября. А на следующий день у Достоевского был день рождения. В числе прочих гостей он пригласил и Анну.

Федор Михайлович был в приподнятом настроении, шутил и, глядя на свою стенографистку, думал: как она могла показаться ему в первый раз некрасивой? Глаза, глаза какие чудные – серые, добрые, лучистые... Это же Марии Болконской глаза – роман «Война и мир» печатался в том же «Русском вестнике» Каткова, вместе с его «Преступлением и наказанием».

С тех пор и она, и он почувствовали, что быть рядом, работать вместе стало для них обоих уже потребностью.

Она не только стенографировала, она советовала, спорила, правила, помогала лучше понять женскую психологию при раскрытии образов женщин.

Она не только помогла ему успешно написать оба великих романа, стала не только его музой и советчицей, но и его женой.

Видимо, Судьба наконец решила наградить гения за его мученическую, подвижническую жизнь.

Возможно, погруженный в литературу, в работу, Федор Михайлович поначалу видел в Анне прежде всего добросовестную помощницу и мало обращал на нее внимание как на женщину. В то же время его измученная душа хотела покоя и утешения – ведь ему шел пятый десяток. А Анна была моложе на 25 лет...

Подобная разница в возрасте в то время была обычным явлением. Но Достоевский терзался и этим обстоятельством. Хотя в письме к брату он признавался: «Сердце у нее есть...»

15 февраля 1867 года в Троицком Измайловском соборе Федор Михайлович и Анна Григорьевна обвенчались.

Дальше – все, как у всех, – эйфория «медового» месяца, шум, суета, шампанское, визиты к родственникам.

Как-то, в последний день Масленицы, они ужинали у сестры Анны. Федор Михайлович выпил, шутил. Вдруг он умолк, побледнел и, закричав, упал с дивана... Она знала о его болезни, но знать и видеть воочию – вещи разные. А главное – уметь помочь не только любимому, но и тому, кого Россия уже стала называть великим писателем.

* * *

...Даже самые любящие люди вынуждены подчиняться прозе жизни.

Неожиданно умер брат Достоевского Михаил, и Федор Михайлович в очередной раз продемонстрировал безмерное благородство, приняв в свой дом вдову брата с ребенком, которым и так щедро помогал и делился последним. В ответ на это вдова стала вполне откровенно убеждать писателя, что его молодой жене скучно с ним...

Тут надо иметь в виду, что Федор Михайлович был порой весьма наивен, доверчив и во всем старался видеть прежде всего свои промахи и изъяны. Он с головой погрузился в работу, старался меньше бывать дома, боролся с приступами тоски и депрессии.

Брак, казалось, трещал по швам. Но Анна Григорьевна была поистине великой и мудрой женщиной, под стать своему великому супругу. «Чтобы спасти нашу любовь, – пишет она, – необходимо хоть на два-три месяца уединиться. Я глубоко убеждена <...>, что тогда мы с мужем сойдемся на всю жизнь и никто нас больше не разлучит».

Был и еще один «проклятый вопрос», мучивший Федора Михайловича, а затем его с Анной Григорьевной, – деньги! Где взять деньги?

Оставалось, правда, небольшое приданое, но родные Анны, изначально не одобрявшие ее брака с писателем, были категорически против его траты.

И все же юная, но духовно сильная, любящая женщина совершает, казалось бы, невозможное – Достоевские уезжают в Европу.

Думали – ненадолго, месяца на три. Оказалось – на четыре года...

Поселились вначале в Дрездене. Со сменой обстановки, казалось, стали меняться к лучшему и их отношения.

Здесь, в Дрездене, Анна Григорьевна увидела, какое потрясение испытал Федор Михайлович перед «Сикстинской Мадонной» Рафаэля. Образ Богоматери поразил и саму Анну – Вечная Мать с Младенцем словно поднималась над ужасом, бездной, низостью повседневной, мелкой, суетной жизни, возвышая смотрящего на Нее, давая надежду на искупление...

Дрезденская жизнь текла вполне спокойно и размеренно, но Анна Григорьевна всем своим любящим существом чувствовала признаки подъема писательского таланта мужа.

И тут Судьба ввергла Федора Михайловича в новое испытание. Он захотел попробовать «разочек» сыграть в рулетку. К этому подталкивали и дурные вести из России – кредиторы, долги.

...Уже к обеду Достоевский успел проиграть чуть ли не все имевшиеся у него деньги, потом отыгрался и даже выиграл немного сверх того, но к вечеру снова спустил почти всю сумму...

Анна Григорьевна понимала состояние мужа: все дело в его нервности, неровности характера, слепой вере в Провидение, случай. Ни слова упрека, разочарования. А болезнь – то, что сейчас принято называть игроманией, – терзала и терзала писателя, вновь и вновь гнала к проклятому волчку.

Они едут в Баден – накануне Катков прислал аванс под ненаписанный еще роман. Но все сожрала ненасытная рулетка... Анна Григорьевна даже заложила брошь и серьги с бриллиантами – свадебный подарок мужа. А рулетка словно издевалась над ними. Однажды Федор Михайлович вдруг выиграл несколько тысяч талеров, а через пару часов от них ничего не осталось...

Все это оказалось пострашнее падучей!

Тем не менее Достоевский уже набрасывал новый роман – «Идиот». А Анна Григорьевна готовилась стать мамой. И имя уже придумали: если дочь – то обязательно Софья; он – в честь любимой племянницы, она – в честь любимой Сонечки Мармеладовой...

Но жизнь вновь наносит беспощадный удар – маленькая, трехмесячная, Сонечка внезапно умирает на руках едва не обезумевшего от горя отца.

Они пытаются найти хоть какое-то спасение в работе. Федор Михайлович диктует очередные главы «Идиота», Анна Григорьевна переписывает набело завершённые и спешит на почту – отправлять в «Русский вестник», где уже началась публикация романа. Работали без отдыха. По условиям журнала, роман надо было завершить к концу 1868 года.

...14 сентября 1869 года в Дрездене у Достоевских родилась вторая дочь – Любовь. Убежденному холостяку Страхову пишет счастливый Федор Михайлович: «Ах, зачем вы не женаты, и зачем у вас нет ребенка, уважаемый Николай Николаевич? Клянусь вам, что в этом три четверти счастья жизненного, а в остальном разве – одна четверть».

Четыре года, проведенные Достоевскими за границей, стали целой эпохой их семейной жизни. На этом пути им многое пришлось преодолеть. И если бы не мудрость, верность, сила духа, терпение и поддержка Анны Григорьевны, все могло сложиться по-другому.

Она всегда, неотлучно, была с ним рядом: и в минуты падения, отчаяния, и в минуты возвышенного творчества, без отдыха, отдавая ему, его гению все свои силы.

«Там (за границей. – Ю. К.) началась, – вспоминала она, – для нас с мужем новая, счастливая жизнь».

Пожалуй, именно тогда Федор Михайлович по-настоящему понял, что за сокровище обрел он в лице Анны Григорьевны.

«Если б вы знали, что жена для меня теперь значит!» – восклицает он.

* * *

Анна Григорьевна вернулась в Россию другим человеком – повзрослевшей, много испытавшей, уверенной в своем женском предназначении, матерью двоих детей – Любы и Феди. Наконец, счастливой женщиной. И поистине святой, коли смогла вынести нелегкий крест замужества, потерь, лишений.

Она взяла в свои руки издательско-финансовые дела мужа, причем повела их так блестяще, что Достоевский наконец-то сумел вырваться из паутины долгов.

Кажется, что это образ Сикстинской Мадонны помогал, наставлял ее, учил кротости, всепрощению. И Господь вознаградил ее за это...

И если первые, ранние письма Федора Михайловича к Анне Григорьевне – это еще, во многом, страсть, плотское обожание, то по прошествии лет – это тихое, умиротворенное, преисполненное любви и бесконечной благодарности признание: «Я не знаю ни одной женщины, равной тебе... Дай нам Бог прожить подольше вместе».

10 августа 1875 года, к великой их радости, Анна Григорьевна родила мальчика, которого окрестили в честь любимого Федором Михайловичем по житийной литературе Алексея – Божьего человека.

Так же, как и Ванечка – любимый сын Льва Толстого, Алеша сыграл огромную роль в жизни, творчестве, мировоззрении Достоевского.

Еще в 1878 году он задумал написать новый роман. Мечталось создать поэму о Христе, поэму-притчу, образ и символ современного состояния мира и России. Вместе с тем просился на бумагу и роман о юноше с чистым, как у князя Мышкина, сердцем...

Жизнь продолжалась: в неустанной работе, литературных встречах и спорах. Порой приходилось нелегко, но рядом были верная и надежная Анна Григорьевна и Алешенька, младшенький, трехлеточек-любимец.

Но как-то утром мальчик, внешне крепкий и здоровый, вдруг потерял сознание, тело его сотрясали судороги.

Вызвали доктора. Но было поздно. Малыш, солнышко, надежда (надежда на что?), успокоился навсегда...

Он умер от внезапного приступа эпилепсии, унаследованной от отца.

«Почему он? Почему не я?» – бормотал, стоя на коленях перед кроваткой сына, потрясенный Федор Михайлович.

Трагедия изменила и сломила его. Он стал тих, сдержан, затаен. Он мучился молча, горе и скорбь словно сжигали его изнутри.

«За что?!»

Вместе с молодым философом Владимиром Соловьевым он отправился в Оптину пустынь к знаменитому старцу, отцу Амвросию.

Они долго беседовали о чем-то в келье. Возвращался Федор Михайлович посветлевшим. Вот такой старец в романе и должен стать духовным наставником главного героя, которому он даст имя сына своего – Алеша, человека Божия.

Но главное – в нем, именно в нем воплотится судьба будущей России.

Потрясало другое: неужели и вправду великому подвигу предшествует великое испытание?..

«Братья Карамазовы» – так назвал Федор Михайлович свое последнее, самое сложное, самое лучшее и мучительное произведение, в котором тайна национального, русского характера обнажалась с пугающей остротой, в котором виделось страшное и великое будущее России.

Не случайно, уходя в 1910 году из Ясной Поляны, Лев Толстой взял с собой любимые книги – Библию и «Братьев Карамазовых».

* * *

К концу жизни Достоевский стал другим человеком. Ушли вспыльчивость, обидчивость, патологическая ревность. Ушла страшная падучая. Он стал уверенным в себе, своем таланте, своем положении человека, мужа, отца.

... Часто, говоря о счастливом писательском, творческом браке, приводят пример Льва Николаевича и Софьи Андреевны Толстых. Но сам Лев Толстой как-то заметил: «Многие русские писатели чувствовали бы себя лучше, если бы у них были такие жены, как у Достоевского».

Федор Михайлович и Анна Григорьевна прошли рука об руку четырнадцать горьких, но счастливых лет. И всегда она была рядом с ним: жена, мать, любовница, ангел-хранитель, управительница, издатель, редактор, стенограф – казалось, она могла заменить ему весь мир!

Перед смертью он попросил Евангелие. Открылось – от Матфея: «Иоанн же удерживал его... Но Иисус сказал ему в ответ: не удерживай, ибо так надлежит нам исполнить великую правду».

– Ты слышишь: «не удерживай...» – значит, я умру, – сказал он, закрывая книгу.

Попрощался с детьми, Анну попросил остаться, взял за руку.

– Я всегда тебя горячо любил и не изменял тебе никогда, даже мысленно...

Он всегда думал, что умрет от мучившей его годами эпилепсии, а случился разрыв легочной артерии.

Его похоронили на Тихвинском кладбище Александро-Невской Лавры, рядом с могилами Карамзина и Жуковского.

На памятнике Достоевскому высечено: «... Истинно, истинно глаголю вам: аще пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода».

Анна Григорьевна сохранила верность мужу до своего конца. В год его смерти ей исполнилось лишь 35 лет, но она сочла свою женскую жизнь законченной и посвятила себя служению его имени. Она издала полное собрание его сочинений, собрала его письма и заметки, заставила друзей написать его биографию, основала школу Достоевского в Старой Руссе, сама написала воспоминания. Все свободное время она отдавала организации его литературного наследия.

В 1918-м, в последний год ее жизни, к Анне Григорьевне пришел начинающий тогда композитор Сергей Прокофьев и попросил сделать в его альбом, «посвященный солнцу», какую-нибудь запись. Она написала: «Солнце моей жизни – Федор Достоевский. Анна Достоевская...»

В настоящий сборник включена переписка четы Достоевских с 1866 по 1875 год. Это своеобразная семейная хроника первой половины их супружеской жизни, открывающая читателю новые грани характера великого писателя.

Ю. Кириленко

Письма любви

*М*ы мое будущее все –
и надежда, и вера, и счастье,
и блаженство – все.

Федор Достоевский

1866

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ – А. Г. СНИТКИНОЙ

<Петербург.> 9 декабря <18>66.
<В Петербург.>

Милая моя Аня, прелестная моя именинница, – не рассердись на меня, ради бога, за мою слишком глупую осторожность. Я сегодня решил у тебя не быть; чувствую себя еще не совсем здоровым. Пустяки совершенные, но все-таки некоторая слабость и не совсем чистый язык. Видишь, ангел мой: необходимо до последней крайности быть у Базунова¹. Но Базунов от меня в версте, а к тебе вчетверо дальше. Не лучше ли хоть немножко поосторожничать, но уж наверно выздороветь завтра, чем прохворать еще неделю? И к Базунову бы совсем не следовало. Вчера сидел над переделкой 5-й главы² до второго часа ночи (а после обеда ничего не заснул; не дали, беспокоили). Это меня доконало. Заснул я уже в четвертом часу ночи. Сегодня как-то вял, да и лицо у меня совсем не именинное³, так что я уж лучше посижу дома. Обедать буду опять один суп дома, как вчера. – Не сердись, моя прелесть, что пишу тебе о таких глупостях: я сам слишком глуп сегодня. А ты, ради бога, не беспокойся. Мне главное бы сегодня заснуть. Чувствую, что сон подкрепит меня, а ты завтра зайди ко мне поутру, как обещалась. До свидания, милый друг, обнимаю и поздравляю тебя.

Тебя бесконечно любящий и в тебя бесконечно верующий
твой весь

Ф. Достоевский.

Ты мое будущее все – и надежда, и вера, и счастье, и блаженство – все.

Достоевский.

¹ Базунов Александр Федорович (1825–1899) – представитель известной в России семьи книгоиздателей и книгопродавцев.

² Речь идет о романе «Преступление и наказание».

³ В примечании к этому письму А. Г. Достоевская пишет: «На 9-е декабря приходились мои именины, а также именины моей матери, Анны Николаевны Сниткиной. По обычаю у нас собирались в этот день родные и знакомые. Я очень приглашала Ф<едора> М<ихайловича> приехать в этот

день к обеду. Кроме слабости после недавнего припадка, следы которого не исчезли, Федора Михайловича стесняли незнакомые ему лица, которых он мог у меня встретить, а подобные встречи в его болезненном настроении были для него тягостны. Поэтому Ф<едор> М<ихайлович> предпочел не приехать, а прислал поздравить именинниц своего пасынка, Павла Александровича Исаева, который доставил мне это письмо и золотой браслет».

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ – А. Г. СНИТКИНОЙ

Москва. 29 декабря <18>66.

<В Петербург.>

НЕ СЕРДИСЬ НА МЕНЯ, мой бесценный и бесконечный друг Аня, что я пишу тебе на этот раз только несколько строк единственно с целью поздороваться с тобой, поцаловать тебя и уведомить тебя только о том, как я доехал и приехал, не более, потому что еще никуда и носу не показывал в Москве. Ехал я благополучно. Спальные вагоны сквернейшая нелепость: сыро до безобразия, холодно, угарно. Весь день и всю ночь до рассвета протерпел зубную болью (но весьма сильною); сидел неподвижно или лежал и непрерывно вызывал воспоминания последних 1½ месяцев;¹ к утру заснул, крепко; проснулся с затихшей болью. В Москву въехал в 12 часов; в половину первого был уже у наших². Все очень удивились и обрадовались. Елена Павловна³ была у них. Очень похудела и даже подурнела. Очень грустна; встретила меня довольно слегка. После обеда началась зубная боль опять. Я с Соней⁴ остались на полчаса одни. Сказал Соне все. Она ужасно рада. Она вполне одобряет; но находит и отрицает препятствия à la Юнге⁵. Разумеется, все было рассказано без больших подробностей. Много еще нам с ней придется переговорить. Она качает головой и несколько сомневается в успехе у Каткова⁶. Грустит собственно о том, что такое дело висит на такой ниточке. Спросил ее: что, Елена Павловна в мое отсутствие вспоминала обо мне? Она отвечала: о как же, непрерывно! Но не думаю, чтоб это могло [можно было] назваться собственно любовью. Вечером я узнал от сестры и от самой Елены Павловны, что она все время была очень несчастна. Ее муж ужасен; ему лучше. Он не отпускает ее ни на шаг от себя. Сердится и мучает ее день и ночь, ревнует. Из всех рассказов я вывел заключение: что ей некогда было думать о любви. (Это вполне верно). Я ужасно рад, и это дело можно считать поконченным. О моем браке с тобою я объявлю родным при первых надеждах на успех у Каткова. Весь первый день, т<о> е<сть> вчера, у меня болели зубы, за ночь вспухла щека, и потому сегодня не болят. Сегодня поеду к Любимову, но во всяком случае думаю, что у Каткова не буду. И вообще не знаю еще плана действий. Увижу по обстоятельствам. Постараюсь поспешить изо всех сил, чтоб поскорей воротиться к тебе. Лишнего не останусь. Я часто бываю очень грустен, какая-то беспредметная даже грусть, – точно я совершил перед кем-нибудь преступление. Тебя представляю себе и тебя воображаю себе поминутно. Нет, Аня, сильно я тебя люблю! Тебя любит и Соня: ужасно бы желала тебя видеть. Волнуется и интересуется.

А теперь обнимаю тебя крепко и цалую – до близкого письма и свидания. Напишу тебе еще подробнее и получше дня через 2 или три – как только что-нибудь сделаю. Теперь спешу изо всех сил! Чувствую, что везде опоздаю (вот беда-то будет!). Что делать – праздник у всех, и время у всех ненормально.

Как-то ты проводила вчерашний день? Думал тебя во сне увидеть – не видал. Загадал о тебе на книге, т<о> е<сть> развернуть книгу и прочесть первую строку на правой странице; вышло очень знаменательно и кстати. Прощай, милочка, до близкого свидания. Целую тысячу

раз твою ручонку и губки (о которых вспоминаю очень). Грустно, хлопотливо, разбиты как-то все впечатления. Масенька мила и ребенок⁷. Приехал и Федя⁸. Все прочие дети ужасно милы и рады, Юля не удостоила выходить⁹. Но вечером прислала ко мне из других комнат спросить: может ли она загадать на меня? К ней сошлись подруги и гадают в зеркало. Я отвечал, что прошу. Мне вышла брюнетка, одетая в белое платье. Я послал им сказать, что все вздор, не угадали.

Не увидишь ли, милая, Пашу¹⁰. Передай ему от меня поклон и скажи, что Сашенька¹¹ и Хмыров¹² очень про него расспрашивали и страшно жалеют, что он не приехал и не приедет; они его очень ждали, даже гадали, приедет ли он или нет.

Цалую тебя бессчетно. Поздравляю с Новым годом и с новым счастьем. Помолись об нашем деле, ангел мой. Вот как пришлось до дела, я и боюсь (*несколько слов зачеркнуто*). Но однако буду работать изо всех сил. Через два или три дня напишу тебе. Надежды, впрочем, не потерял.

Твой весь, твой верный, вернейший и неизменный. А в тебя верю и уповаю как во все мое будущее. Знаешь, вдали от счастья больше ценишь его. Мне теперь несравненно сильнее желается тебя обнять, чем когда-нибудь. Мой поклон нижайший мамаше¹³. Передай мое почтение и братцу¹⁴.

Твой беспредельно любящий
Ф. Достоевский.

P. S. Сонечка уговаривает и велит мне захватить самому в почтамт, потому что если туда подать письмо, то может, и сегодня пойдет.

¹ 8 ноября 1866 г. Анна Григорьевна стала невестой Достоевского.

² Семья любимой сестры писателя Веры Михайловны Ивановой (1829–1896).

³ В примечании к этому письму А. Г. Достоевская пишет: «Елена Павловна Иванова (1823–1883) была жена брата ее мужа».

⁴ Иванова Софья Александровна (1846–1907) – племянница Достоевского, дочь Веры Михайловны Ивановой, «славная, умная, глубокая и сердечная душа».

⁵ Когда Достоевский рассказал о предстоящей женитьбе профессору глазных болезней Эдуарду Андреевичу Юнге (1833–1898), лечившему его, «то Юнге, узнав, что между Федором Михайловичем и его будущей женою 25 лет разницы (мне только что минуло 20 лет, Ф<едору> М<ихайловичу> было 45), начал ему отсоветовать жениться, уверяя, что при такой разнице лет счастья в супружестве быть не может».

⁶ Достоевский специально приехал в Москву, чтобы просить у Михаила Никифоровича Каткова (1818–1887) и упоминаемого далее профессора Московского университета физика Николая Алексеевича Любимова (1830–1897) – редакторов журнала «Русский вестник», где в 1866 г. печатался роман «Преступление и наказание», 3000 руб. в счет будущего романа на женитьбу и на поездку за границу.

⁷ Иванова Мария Александровна (1848–1929) – вторая дочь В. М. Ивановой, «отличная музыкантша, ученица Н. Г. Рубинштейна».

⁸ Достоевский Федор Михайлович-младший (1842–1906) – племянник писателя, сын его брата Михаила Михайловича Достоевского, пианист, ученик

А. Г. Рубинштейна, директор Саратовского отделения Русского музыкального общества.

⁹ Иванова Юлия Александровна (1852–1924) – третья дочь В. М. Ивановой.

¹⁰ Исаев Павел Александрович (1846–1900) – пасынок Достоевского, сын его первой жены Марии Дмитриевны Исаевой (1825–1864).

¹¹ Иванов Александр Александрович (1850—?) – старший сын В. М. Ивановой, инженер путей сообщения.

¹² Хмыров Дмитрий Николаевич (1847–1926) – учитель математики, впоследствии муж Софьи Александровны Ивановой.

¹³ Мать А. Г. Достоевской – Сниткина Анна Николаевна (1812–1893).

¹⁴ Сниткин Иван Григорьевич (1849–1887). Окончил Петровскую сельскохозяйственную академию в Москве.

1867

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ – А. Г. СНИТКИНОЙ

Москва. 2 января <18>67.
<В Петербург.>

ВЧЕРА ПОЛУЧИЛ твое дорогое послание, бесценный и вечный друг Аня, и был ужасно рад. Наверно и ты получить успела мое письмо в тот (или на другой день), как послала мне свое. Теперь спешу тебя, главное, уведомить о делах. Дело свое я решил (т<о> е<сть> приступил к нему) скорее, чем думал, и теперь оно в главном почти решено. Я было думал начать действовать через Любимова (редактора Русского Вестника), поехал к нему на другой день по приезде и – к счастью, не застал его дома. Тогда я отправился в редакц<ию> Русского Вестника и, опять-таки к счастью, зашел к Каткову (к которому не думал сначала заходить сейчас, рассчитывая пустить вперед Любимова). Катков был ужасно занят; я просидел у него 10 минут. Он принял меня превосходно. Наконец я встал, после 10 минут, и видя, что он ужасно занят, сказал ему, что имею до него дело, но так как он занят, то и прошу назначить мне время: когда приехать к нему, чтоб изложить дело? Он вдруг стал настоятельно просить, чтоб я изложил дело сей же час. Я взял да и объяснил все в три минуты. Начал с того, что женюсь. Он меня поздравил искренно и дружески. «В таком случае, – сказал я, – я прямо вам говорю, что все мое счастье зависит от вас. Если вам нужно мое сотрудничество (он сказал: „Еще бы, помилуйте!“), то выдать мне 2000 вперед, так и так, – и я изложил все. Литераторы и всегда берут вперед, заключил я, но так как эта сумма очень сильна и таких вперед не выдают, то все зависит от вашей доброй воли». Он мне ответил: «Я посоветуюсь с Леонтьевым¹. Все дело в том: есть ли у нас такие деньги свободными, пожалуйста ко мне дня через два, а я употреблю все мое старание». Через 2 дня он сказал мне решенье окончательное: 1000 рублей сейчас можно, а другую тысячу отсрочить просит на два месяца. Я так и принял и поблагодарил.

Теперь, бесценная Аня, дело в таком виде: наша судьба решилась, деньги есть, и мы обвенчаемся как можно скорее, но вместе с тем предстоит и страшное затруднение, что вторая тысяча отсрочивается на такой долгий срок, а ведь нам нужно две тысячи до последней копейки сейчас (помнишь, мы рассчитывали). [Но все ж] Как это разрешить – еще не знаю, но все-таки, как бы там ни было, а свадьба наша может устроиться. И слава Богу, слава Богу! Обнимаю тебя и цалую, раз 100 зараз (*два слова зачеркнуто*).

Теперь! Я думаю, что на днях, завтра или послезавтра, получу либо деньги, либо переводы (праздники ужасно мешают) и... – тотчас в Петербург, к тебе. Мне страшно грустно без тебя, хоть меня здесь все очень любят. Могу сказать, что 6-го или 7-го буду в Петербурге. Не говорю совершенно наверно, потому выдача денег зависит от них, но 90 вероятностей на 100, что 6-го или 7-го буду тебя обнимать и целовать тебя, твои ручки, и ножки (которые ты не позволяешь целовать). И тогда наступит третий период нашей жизни.

Теперь несколько слов о здешней жизни. Ах, Аня, как ненавистны мне всегда были письма! Ну что в письме расскажешь об иных делах? и потому напишу только сухие и голые факты: во-первых, я уже тебе писал, что Соне все в тот же день открыл, и как она была рада. Не беспокойся, не забыл передать ей твой поклон, и она тебя уже очень, очень любит. По моим рассказам, она уже тебя отчасти знает, и ей многое (из рассказов) понравилось. Сестре сказал на другой день после первого ответа Каткова. Была очень рада. Александру Павловичу² сказал на третий день. Он меня поздравил и сделал одно замечание, весьма оригинальное, которое я тебе передам после. Затем наступило время довольно радостное. Новый год встречали весело, всей семьей. Были и Елена Павловна, и Марья Сергеевна³ (удивительная шутиха). Ровно в 12 часов Александр Павлович встал, поднял бокал шампанского и провозгласил здорье Фед<ора> Мих<айлови>ча и Анны Григорьевны. Машенька и Юлинька, которые ничего не знали, были очень удивлены. Одним словом, все рады и поздравляют.

До сих пор мало кого видел, кроме Яновского⁴ (моего одного приятеля) и Аксакова,⁵ который ужасно занят. Яновскому Майков⁶, бывши в Москве, сказал про нас, что он «видел тебя и, судя по тебе, ожидает полного счастья Фед<ору> Мих<айлови>чу». Мне очень приятно было, что Майков так отозвался. Яновский много про тебя спрашивал и тоже очень рад и поздравляет.

С Аксаковым говорил о сотрудничестве.

Вообрази, до сих пор еще не успел просмотреть двух последних глав⁷. Здесь вышла ноябрьская книга⁸. – Вчера, в Новый год, Елена Павловна позвала всех к себе на вечер. Стали играть в стучолку. Вдруг Александру Павловичу подают письмо (присланное в квартиру Елены Павловны с нарочным из Межевого института), а он передает его мне. Кое-кто стали спрашивать: от кого? Я сказал: от Милюкова⁹, встал и ушел читать. Письмо было от тебя; оно очень меня обрадовало и даже взволновало. Воротился я к столу в радости и сказал, что известия от Милюкова неприятные. Через четверть часа почувствовал как бы начало припадка. Пошел в сени, намочил голову и приложил к голове мокрое полотенце. Все несколько взволновались. Я дал поутихнуть и вызвал Соню, которой и показал твой поклон. Затем, когда приехали домой, прочел все твое письмо вслух Соне и Маше. Не сердись, моя радость, они видели и свидетельницы, как я тебя люблю – как я бесконечно тебя люблю и тем счастлив.

Елена Павловна приняла все весьма сносно и сказала мне только: «Я очень рада, что летом не поддалась и не сказала вам ничего решительного, иначе я бы погибла». Я очень рад, что она все так принимает, и с этой стороны уже совершенно теперь спокоен.

Завтра же начну хлопотать о скорейшем и немедленном [устройстве] получении денег. Хочу тебя видеть каждый день, каждый час все больше и больше (*одно слово зачеркнуто*). Скажи спасибо от меня Паше за то, что он тотчас же у тебя был. Обнимаю и целую тебя бесчисленно и когда пишу это, то бесконечно мучаюсь, что это только на письме покамест. О как бы я тебя теперь обнял! Прощай, дорогой друг, Аня, будь весела и люби меня. Будь счастлива; жди меня; все тебе кланяются.

Думаю, что больше не напишу тебе, – разве что случится особенное. Мамаше твоей передай поклон.

Еще тебя целую, (не нацелуюсь), твой счастливый

Ф. Достоевский.

С этакой-то женой, да быть несчастливым – да разве это возможно! Люби меня, Аня; бесконечно буду любить.

¹ Леонтьев Павел Михайлович (1822–1874) – филолог и журналист, сотрудник «Русского вестника», автор ценных сборников по классической древности, с 1847 г. занимал в Московском университете кафедру римской словесности и древностей.

² Иванов Александр Павлович (1813–1868) – врач Константиновского межевого института в Москве, муж Веры Михайловны Достоевской, «редкий и благороднейший человек», по характеристике писателя.

³ «Остроумием особенно отличалась Мария Сергеевна Иванчина-Писарева, подруга старших дочерей Веры Михайловны, – вспоминает Анна Григорьевна. – То была девушка лет двадцати двух, некрасивая, но веселая, бойкая, находчивая, всегда готовая поднять человека на смех <...> М. С. Иванчина очень рельефно выведена в романе „Вечный муж“ в виде бойкой подружки „Марьи Никитишны“».

⁴ Знакомство Достоевского с врачом Степаном Дмитриевичем Яновским (1817–1897) произошло в 1846 г.

⁵ Известный публицист-славянофил Иван Сергеевич Аксаков (1823–1886) издавал в 1867–1868 гг. политическую и литературную газету «Москва» и, как пишет далее Достоевский, хотел привлечь его для сотрудничества в этой газете.

⁶ Майков Аполлон Николаевич (1821–1897) – поэт, переводчик и критик, большой друг Достоевского еще со второй половины 40-х годов, с того времени, когда он также был во многом близок к петрашевцам.

⁷ Две последние главы и эпилог «Преступления и наказания» были напечатаны в декабрьской книге «Русского вестника» за 1866 г.

⁸ Ноябрьская книжка «Русского вестника» с «Преступлением и наказанием».

⁹ Дружественные отношения Достоевского с Александром Петровичем Милюковым (1817–1897), педагогом и писателем, завязались еще в 40-е годы; не прерывались они и после возвращения Достоевского из ссылки.

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ – А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

Nombourg. Пятница 17 мая <1867.>

11½ часов утра.

<В Дрезден.>

Обнимаю тебя и цалую крепко-крепко. Всю дорогу думал о тебе.

Я только что приехал¹. Теперь половина двенадцатого. Немного устал и сажусь писать. Мне подали чаю и воды умываться. В промежутке напишу тебе несколько строк. В Лейпциге мне пришлось дожидаться с ½ 6-го до 11 ночи, но уж таков Schnell-Zug¹. Сидел в воксале, закусил и выпил кофею. Все ходил по зале огромной и залитой волнами дыма, пропитанного пивом. Разболелась голова и расстроились нервы. Все думал о тебе и воображал: зачем я мою

---

¹ скорый поезд (нем.).

Аню покинул. Всю тебя вспомнил, до последней складочки твоей души и твоего сердца, за все это время, с октября месяца начиная, и понял, что такого цельного, ясного, тихого, кроткого, прекрасного, невинного и в меня верующего ангела, как ты, – я и не стою. Как мог я бросить тебя? Зачем я еду? Куда я еду? Мне бог тебя вручил, чтоб ничего из зачатков и богатств твоей души и твоего сердца не пропало, а напротив, чтоб богато и роскошно возросло и расцвело; дал мне тебя, чтоб я свои грехи огромные тобою искупил, представив тебя Богу развитой, направленной, сохраненной, спасенной от всего, что низко и дух мертвит; а я (хоть эта мысль беспрерывно и прежде мне втихомолку про себя приходила, особенно когда я молился) – а я такими бесхарактерными, сбитыми с толку вещами, как эта глупая теперешняя поездка моя сюда, – самое тебя могу сбить с толку. Ужас как грустно стало мне вчера. Так бы, кажется, и обнял тебя, кабы ты со мной была, а назад не воротился, хоть и мелькала мысль. Как вспомню о всех этих Врангелях, Латкиных, Рейслерах² и о многом прочем, еще их поважнее, так и собою совсем и спутаюсь. Глупость, глупость я делаю, а главное, скверность и слабость, но тут есть крошечный шанс и... но черт с этим, перестану!

Наконец сели и поехали. Вагон полный. Немцы преучтивые, хотя ужасно зверские снаружи. Представь себе: ночь была до того холодна, как у нас в октябре, в ненастье. Стекла отпотели, – а я-то в своем легоньком пальто и в летних панталонах. Продрог ужасно; удалось часа три заснуть – от холоду проснулся. В три часа заоченелый выпил в подвернувшемся воксале чашку кофею и обогрелся минут десять. Затем опять в вагон. К утру сделалось теплее гораздо. Места здесь есть прекрасные, но все сумрачно, облачно, сыро и холодно, холоднее чем в Дрездене. Ждут, что разгуляется. В Франкфурте и двух минут не был, боясь упустить отправляющийся вагон сюда – и вот я здесь, в Hôtel Victoria. Комната пять франков в день – и видимо разбойники. Но пробуду дня два и уж самое большее – три. Иначе невозможно – даже если б успел.

А зачем ты заплакала, Аня, милочка, меня провожая? Пиши мне, голубчик, сюда. Пиши (*одно слово зачеркнуто*) обо всех мелочах, но не очень большие письма (не утомляй себя) и не подписывайся всеми буквами (на случай если я уеду и письма останутся).

Аня, ясный свет мой, солнце мое, люблю тебя! Вот в разлуке-то все почувствуешь и перечувствуешь и сам узнаешь, как сильно любишь. Нет, уж мы с тобой начинаем срастаться.

Успокой же меня, авось завтра найду твое письмо, ты мое тоже, может, завтра получишь. Не получив [следующего] второго от меня письма, не пиши!

Прощай, радость, прощай, свет мой. Немного нервы расстроены, но здоров и не так чтобы очень устал. А что-то ты?

Твой весь до последней частички и целую тебя бесчисленно.

Любящий тебя *Достоевский*.

¹ А. Г. Достоевская сделала здесь примечание: «Через два месяца после свадьбы, 14 апреля 1867 года, мы выехали за границу и на месяц поселились в Дрездене. Отсюда Ф<едор> М<ихайлович> поехал в Гомбург, где в то время была рулетка. Я же осталась в Дрездене на попечении квартирной хозяйки».

² В 1854 г. в Семипалатинск, где находился в это время на солдатской службе Ф. М. Достоевский, был назначен прокурором юрист и дипломат Александр Егорович Врангель (1838—?). С этого времени и начались дружеские отношения Достоевского с Врангелем.

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ – А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

Нombourg. 18 мая <1867>, 10 часов утра. Суббота.

<В Дрезден.>

ЗДРАВСТВУЙ, ангел мой Аня, вот тебе еще несколько строк, – ежедневных известий. Каждое утро буду тебе писать покамест; и это мне в потребность, потому что думаю о тебе ежеминутно. Всю ночь снилась ты мне и еще, представь себе, Маша, моя племянница, сестра Феди. Мы с ней во сне помирились, и я очень был доволен¹. Но к делу.

День вчера был холодный и даже дождливый; весь день я был слаб и расстроен нервами до того, что едва держался на ногах. Хорошо еще, что в вагоне успел кое-как заснуть часа два. Целый день вчера спать хотелось. А тут игра, от которой оторваться не мог; можешь представить, в каком я был возбуждении. Представь же себе: начал играть еще утром и к обеду проиграл 16 империалов. Оставалось только 12 да несколько талеров. Пошел после обеда с тем, чтоб быть благоразумнее донельзя и, слава богу, отыграл все 16 проигранных да сверх того выиграл 100 гульденов. А мог бы выиграть 300, потому что уже были в руках, да рискнул и спустил. Вот мое наблюдение, Аня, окончательное: если быть благоразумным, т<о> е<сть> быть как из мрамора, холодным и нечеловечески осторожным, то непременно, безо всякого сомнения, можно выиграть сколько угодно. Но играть надо много времени, много дней, довольствуясь малым, если не везет, и не бросаюсь насильно на шанс. Есть тут один<...>: он играет уже несколько дней, с ужасным хладнокровием и расчетом, нечеловеческим (мне его показывали), и его уже начинает бояться банк: он загребает деньги и уносит каждый день по крайней мере по 1000 гульденов. – Одним словом, постараюсь употребить нечеловеческое усилие, чтоб быть благоразумнее, но, с другой стороны, я никак не в силах оставаться здесь несколько дней. Безо всякого преувеличения, Аня: мне до того это все противно, т<о> е<сть> ужасно, что я бы сам собой убежал, а как еще вспомню о тебе, так и рвется к тебе все существо. Ах, Аня, нужна ты мне, я это почувствовал! Как вспомню твою ясную улыбку, ту теплоту радостную, которая сама в сердце вливается при тебе, то неотразимо захочется к тебе. Ты меня видишь обыкновенно, Аня, угрюмым, пасмурным и капризным: это только снаружи; таков я всегда был, надломленный и испорченный судьбой, внутри же другое, поверь, поверь!

А между тем это наживание денег даром, как здесь (не совсем даром: платишь мукой), имеет что-то раздражительное и одуряющее, а как подумаешь, для чего нужны деньги, как подумаешь о долгах и о тех, которым кроме меня надо², то и чувствуешь, что отойти нельзя. Но воображаю же муку мою, если я проиграю и ничего не сделаю: столько пакости принять даром и уехать еще более нищему, нежели приехал. Аня, дай мне слово, что никогда никому не будешь показывать этих писем. Не хочу я, чтоб этакая мерзость положения моего пошла по языкам. «Поэт так поэт и есть».

Обнимаю тебя, Аня, свет мой. Авось от тебя сегодня письмецо получу, друг мой единственный. До завтра. Завтра напишу непременно. Во всяком случае ни за что не останусь здесь долго.

Вчера, к ночи, велел затопить камин, который дымил, и я угорел. Ночь спал, как убитый, хотя и болела голова. Сегодня же совершенно здоров. Солнце светит и день великолепный.

Прощай, радость моя.

Твой вечный *Ф. Достоевский*.

Если не получишь почему-нибудь в какой-нибудь день от меня письма – не беспокойся. Через день получишь. Но полагаю, что этого не случится.

¹ О причине ссоры Достоевского с дочерью своего старшего брата Марией Михайловной (1843–1888) рассказывает А. Ф. Достоевская: «Одну из его племянниц (именно Марию Михайловну), его любимицу, полюбил студент, довольно бесцветный молодой человек, ненавидевший Достоевского „за то, что он в лице Раскольникова оскорбил русское студенчество“. Однажды во время спора с моим отцом по политическим вопросам он выразился

непочтительно. Достоевский рассердился и велел своей невестке (Эмилиии Федоровне) не принимать больше этого дерзкого человека. Они сделали вид, что послушались, но влюбленный студент тайно бывал у них в доме по-прежнему. Окончив курс университета и получив место в министерстве, он спешил жениться на моей двоюродной сестре. Неблагодарная с особым удовольствием отпраздновала свадьбу тайно, не пригласив своего дядю, между тем как он работал, как негр, для того, чтобы поддержать их семью. Когда новобрачная позже встретила у своей матери моего отца, она смеялась ему в лицо и обращалась с ним, как со старым дураком. Мой отец был глубоко огорчен этой неблагодарностью. Он любил свою племянницу Марию, как собственную дочь, ласкал и занимал ее, когда она еще была ребенком, а позже гордился ее музыкальным талантом и ее девичьими успехами. Она была одной из лучших учениц Антона Рубинштейна».

² Речь идет о пасынке писателя Паше Исаеве и о семье покойного брата, драматурга и переводчика, издателя журналов «Время» и «Эпоха», Михаила Михайловича Достоевского (1820–1864).

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ – А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

Номбург. Воскресенье 19 мая <1867.>

10 часов утра.

<В Дрезден.>

ЗДРАВСТВУЙ, милый, бесценный мой ангел. Пишу тебе несколько строк ежедневных. Прежде всего о делах.

День вчера был для меня прескверный. Я слишком значительно (судя относительно) проигрался. Что делать: не с моими нервами, ангел мой, играть. Играл часов десять, а кончил проигрышем. Было в продолжение дня и очень худо, был и в выигрыше, когда счастье переменялось – все расскажу, когда приеду. Теперь на оставшиеся (очень немного, капелька) хочу сделать сегодня последнюю пробу. Сегоднешний день решит все, т<о> е<сть> еду ли я завтра к тебе или останусь. Завтра во всяком случае уведомялю. Не хотелось бы закладывать часов. Очень туго пришлось теперь. Что будет, то будет. Употреблю последние усилия. Видишь: усилия мои каждый раз удаются, покамест я имею хладнокровие и расчет следовать моей системе; но как только начнется выигрыш, я тотчас начинаю рисковать; сладить с собой не могу; ну что-то скажет последняя сегоднешняя проба. Поскорей бы уж.

Вчера, ангел мой, в 12 часов пришел я на почту отдать мое второе письмо к тебе, и почтмейстер подал мне письмо от тебя¹. Милочка, спасибо тебе. Я тут же перечел его в конторе, и как мне приятно было, что оно писано карандашом (моя стенографка)². Все прошлое вспомнялось. Не тоскуй, моя родная, не тоскуй, мой ангел! Ты меня чуть не до слез перевернула, описывая свой день³. Экое ведь дикое наше положение. И войдет ли кому в голову у наших, в Петербурге, что мы в настоящую минуту с тобой в разлуке и для такой цели! Дикое положение, решительно. Ох, кабы поскорей это все кончилось, поскорей бы уж какой-нибудь результат. Поверишь ли, ангел мой, мне здесь ужасно наскучило, т<о> е<сть> собственно игра уж наскучила. То есть не то, чтоб наскучила, а устал я ужасно как нервами, нетерпеливее стал, поскорее стремлюсь к результату, тороплюсь, рискую, а из этого и выходит проигрыш.

Здоровье мое, несмотря на то, очень хорошо. Нервы расстроены, и я устаю (сидя-то на месте), но тем не менее я в хорошем очень даже состоянии. Состояние возбужденное, тревожное, – но моя натура иногда этого просит. Что за день был прелестный вчера; я таки капельку

погулял в парке. Надо сознаться, что местоположение здесь обворожительное. Парк великолепен, вокзал тоже, музыка прекрасная, лучше дрезденской. Вот бы пожить-то здесь, если б не проклятая рулетка.

Прощай, мой ангел, тихий, милый, кроткий мой ангел, люби меня. Если б, мечтаю теперь, хоть на минутку тебя увидеть – сколько б мы с тобой переговорили, сколько впечатлений накопилось. В письме не упишешь; да и я сам тебе прежде говаривал, что я не умею и не способен письма писать, а вот теперь, как напишешь тебе несколько словечек, то как будто и легче. Ради Христа, береги здоровье, постарайся хоть чем-нибудь себя развлекать. Помни просьбы мои: если что с тобой случится, пошли к доктору и тотчас же дай мне знать. Ну прощай, радость моя; цалую тебя тысячу раз. Помни меня. Пожелай счастья, сегодняшний день все решит. Поскорей бы уж, да не волнуйся и не беспокойся очень. Обнимаю тебя.

Твой весь и всегда.

Твой муж *Ф. Достоевский*.

P. S. Подробностей, сколько выиграл, сколько проиграл, не пишу; все расскажу при свидании. Одним словом, покамест плохо.

¹ Письмо не сохранилось.

² В своем «Дневнике» А. Г. Достоевская записывает: «Я была так счастлива этим письмом, что не знаю, как это и выразить. Прочла его 2 или 3 раза и украдкой поцеловала его. Как Федя умеет писать письма, – это удивительно, просто как будто говоришь с ним».

³ Подробно описывая этот день в своем «Дневнике», Анна Григорьевна кончает эту запись словами: «Придя домой, я бросилась на диван и принялась читать. Опять ложиться было как-то неприятно. Я знала, что уже никто не придет разбудить меня поцелуями и речами, как два дня тому назад Федя, как он это делает обыкновенно, и что доставляет мне так много счастья. В этот день мне было очень грустно без него, такая тоска, потому-то я и ходила без толку по городу, чтобы как-нибудь убить время».

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ – А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

Номбург. Понедельник 20 мая < 1867.>

10 часов утра.

<В Дрезден.>

ЗДРАВСТВУЙ, милая моя, бесценная, единственная, сокровище и радость моя. Милый мой друг, вчерашний день опять ничего не решил (*несколько слов зачеркнуто*). Я все еще на одной точке и леплюсь кое-как и не добился, покамест, ни до какого результата, так что и опять не выезжаю; что-то скажет сегодняшний день? Может быть, что-нибудь и будет решительное. Во всяком случае завтра получишь от меня точное известие, т<о> е<сть> выезжаю ли я или нет?

Ангел мой, ты не поверишь, как я обрадовался и с каким счастьем прочел я, на почте, твои две крошечные писульки на двух листиках. Я их цаловал и так рад, так рад был твоей любви. Она видна в каждой строчке, в каждом выражении твоём; и как (*одно слово зачеркнуто*) ты хорошо пишешь письма. Куда мне так написать и так выразить мое сердце, мои ощущения. Я и наяву-то, и когда мы вместе, несообщителен, угрюм и совершенно не имею дара выразить себя всего.

Формы, жеста не имею¹. Покойный брат Миша часто с горечью упрекал меня в этом. Милая моя, простишь ли ты когда-нибудь меня за то, что я тебя так мучаю, покинул тебя и не еду! Твое письмо в этом отношении решительно измучило меня вчера, хоть ты сама и ни словом, ни мыслию не упрекаешь меня, а даже напротив – ободряешь и утешаешь². Но ведь я чувствую все. И во-первых, я сам не сообразил еще прежде всей затруднительности, всей муки моей будущей, решаясь ехать сюда. Я твердо был убежден, что еду только на четыре дня, и не сообразил, что если внешние обстоятельства, совершенно не от меня зависящие, задержат меня, то что будет с нами обоими. Будучи вблизи, возле тебя, я не сообразил тогда, как я люблю тебя и как тяжела для нас обоих разлука. Мы уже начинаем сростаться и, кажется, сильно срослись вместе, Аня, и так сильно, что и не заметили, я по крайней мере. Ты не знаешь, как мне хотелось, например, вчера быть с тобою; и я со слезами молился ночью о тебе, удержаться не мог.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.